

Даля Трускиновская

НАСЛЕДНИЦА ТАМПИЕРОВ

РОМАН

Москва
«Снежный Ком»
2020

УДК 82-31
ББК 84(Рос-Рус)6
Т78

Серия «Бастион» основана в 2019 году
Ведущий редактор *Дмитрий Володихин*

Т78 **Трускиновская, Даля**
Наследница тамплиеров : роман / Даля Трускиновская. — М. :
«Снежный Ком М», 2020. — 336 с. — (Бастион).

ISBN 978-5-6043755-5-6

Много тайн связано с орденом тамплиеров. Одна из важнейших — откуда у рыцарей было столько денег? То ли мудрецы Востока, то ли маги Запада создали таинственную Искскульскую плиту. Она способна обогатить того, кто сумеет ее укротить. И вот — двадцать первый век, плита досталась человеку, не имеющему на нее никаких прав. И законная наследница владельцев Лео фон Рейенталь приезжает в обычный провинциальный русский город, чтобы забрать свое имущество. Не она одна охотится за Искскульской плитой. Но лишь она твердо знает, что не в деньгах счастье.

УДК 82-31
ББК 84(Рос-Рус)6

ISBN 978-5-6043755-5-6

© Трускиновская Д., 2020
© «Снежный Ком М»
(ИП Штепин Д.В.), 2020
© Оформление. Голуб Ю., 2020

Пролог

Осенью тысяча восемьсот семьдесят четвертого года на раскисшей дороге неподалеку от лифляндского городишки Икскюля намертво увяз экипаж.

В экипаже сидел немолодой, лет сорока пяти, господин в черном пальто из тонкого сукна на нутриевом меху и в великолепном черном цилиндре. Строгий взгляд темных глаз из-под черных сросшихся бровей был обращен в неведомые дали; казалось, господину все равно, едет ли карета или стоит на месте.

Больше в экипаже никого не было.

Кучер по-немецки окликал крестьянок, шедших по обочине, и требовал, чтобы кто-то добежал до баронской усадьбы, привел подмогу. Крестьянки отвечали по-латышски — они настолько не знали немецкого языка, чтобы вступать в переговоры. Наконец появилась телега, лошадей правил латыш, а на мешках сидел еврей-портной, прижимая к себе величайшее сокровище — швейную машинку, закутанную в мешковину. Это был обычный портновский заработок — уговорившись с хозяевами хуторов, странствовать от одного к другому, чтобы, прожив неделю или даже полторы, сшить все необходимое: пиджаки, брюки, жилеты, юбки и жакеты для женщин. Ткань и приклад были тут же, в телеге, в двух больших коробах.

Портной кое-как перевел с немецкого на латышский крики кучера.

— Он говорит — нужно бежать в усадьбу барона фон Апфельдорна, чтобы барон прислал людей и лошадей!

Крестьянки рассмеялись. Скупость и неуживчивость барона были всему краю известны. Потом они поплотнее завернулись в свои клетчатые платки из толсто спряденной и плотно сотканной шерсти, хорошо укрывавшие от дождя, и ушли. Уехал и портной — его ждали на хуторе, где он подрядился шить двум хозяйским дочкам приданое, а хозяйскому сыну — костюм для венчания.

Тогда кучер предложил выпрячь одну из лошадей и ехать в усадьбу за помощью.

— Поезжайте, Клаус, — сказал господин. — Проклятый тамплиер...

Клаус выпряг гнедую кобылку, отвел ее на обочину и вскочил на спину с ловкостью циркового вольтижера. Он сразу поднял лошадь в галоп и ускакал к усадьбе, до которой оставалось всего-то около трех верст. Верховая езда кучеру нравилась, он улыбался и дышал полной грудью, как и следует молодому, не старше тридцати лет, сильному и здоровому всаднику. Причем кучер явно был любимцем своего барина — тот его баловал хорошей добротной одеждой, шитыми на заказ сапогами. А сам кучер баловал себя отличной помадой для черных усов, которые красиво закручивались и бодро торчали.

Еще час спустя господин в блестящем цилиндре, осторожно перейдя по доскам через грязный двор, входил в дом, который более всего смахивал на длинную, почерневшую от времени, крытую плотно уложенным камышом конюшню. Была бы еще вынесенная поближе к дороге коновязь на дюжину конских морд — так можно и за корчму принять, причем за хорошую благоустроенную корчму, в которой под одной крышей имеется все — сарай, куда можно, если надо, и лошадей ставить, заводя через большие ворота, устроенные с торца; помещение для проезжающих с печкой и длинными лавками, с чистыми столами; в глубине здания — кухня с расписанной цветными печью и хозяйские комнаты.

Но это было одноэтажное жилище небогатого помещика со всеми службами, включая хлев и свинарник на

задворках. Догадаться о свиарнике было нетрудно — господин в цилиндре сперва поморщился, потом поднес к длинному чуткому носу надушенный платок.

Но к торцу дома была пристроена вышка, сажен пять высотой, наверху у нее имелась открытая площадка. Прошли те времена, когда следовало сверху высматривать приближавшегося неприятеля — в последний раз военные действия тут велась в незабвенном двенадцатом году. Однако вышку поставили сравнительно недавно — доски еще не успели приобрести того серебристого оттенка, который свойствен старой древесине.

Хозяин усадьбы вышел на крошечное крыльцо в шубе, наброшенной поверх халата, когда-то блистательного, атласного, с восточными узорами, теперь от грязи потускневшего. Голова его была непокрыта, жидкие седые волосы свисали вдоль щек до небритого, торчащего вперед, крупного подбородка.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! — закричал он по-немецки.

И тут господин в цилиндре перешел на русский язык.

— Что это у вас такая страшная грязь? — брезгливо спросил он. — За те деньги, что я вам посылал, можно было хотя бы двор прибрать.

— Все деньги вложены в дело. Землекопам, рабочим, возчикам... Я велел принести плиту в дом, она у меня в спальне. Петер, помоги господину раздеться!

— Мне Клаус поможет.

Господин в цилиндре очень сомневался, что здешний Петер выучился мыть руки.

Без цилиндра он оказался совершенно лысым. И, если приглядеться, видны были шершавые островки у висков и на затылке — из особого высокомерия, утратив большую часть волос, этот господин велел сбривать себе и оставшиеся.

Потом они проследовали в спальню: один — статный, с неистребимой военной выправкой, другой — сутулый, шаркающий древними турецкими туфлями. А Клаус долго

мыкался по дому, ища чистое местечко для хозяйского имущества. Молодая кухарка Гриета исподтишка на него поглядывала: вот бы заполучить такого молодца! Она не знала, что Клаус по женской части брезглив и высоко себя ставит.

В спальне был сущий бедлам — мебель громоздилась у стен, а посередине на четырех чурбанах лежала каменная плита. Размером она была — чуть ли не как постель для супружеской четы. Лысый господин хотел спросить, как ее удалось протащить в низкую дверь, но воздержался.

— Видите? Я втер в рисунок особую графитную пасту, а потом шлифовал плиту, и теперь отчетливо видно, что на ней вырезано! — с гордостью объявил барон фон Аппельдорн. — Сам, своими руками! Никому не мог доверить!

— Вижу.

На плите был вырезан круг — более аршина в поперечнике. Его делили на разнообразные куски линии — толстые и тонкие, одни шли от середины, другие охватывали бока. Также в кругу были очертания странной фигуры — вроде двуглавого всадника на осле. На нескольких линиях имелись круглые углубления, вроде лунок. Еще в большом круге были другие, поменьше. Словом, рисунок получился загадочный и непонятный.

— Вот! — воскликнул барон, тыча пальцем в плиту. — Крест тамплиеров! Видите? Вот, вот...

— Да, это он, — согласился лысый господин, склонившись над плитой. — Их тут два.

— Один вписан в круг, другой — в щит. Когда-то они были красными. На самом деле их шесть — посмотрите в лунки, там тоже на дне кресты. Ну что же, звезды нам благоприятствуют, я этой ночью взбирался на вышку, наблюдал созвездия. Они приблизительно соответствуют моей натальной карте. Сатурн... Марс... Венера...

Барон показал лунки, которым дал звездные имена.

— По-вашему, барон, это имеет значение?

— Допускаю, что имеет, — тихо сказал барон, но по лицу было видно — он придает натальной карте очень большое значение.

— Ну, ладно. Клаус! Принесите из экипажа сундучок.

В сундучке оказались монеты разных стран и разного достоинства, разложенные в бумажные конверты. Были среди них и очень старые — начала шестнадцатого века, как сказал лысый господин, выкладывая их на край плиты.

— Я предложил бы вам поужинать, но перед магическим ритуалом необходимо держать пост, — сказал барон.

— Я знаю. Пока не стемнело, мы можем сходить посмотреть на место, где вы откопали плиту.

— Там не на что смотреть. Только на ямы, в которых скопилась вода. И вот что я вам скажу! Мы вовремя успели! На месте Икскульского замка хотят строить церковь! Уже приезжали землемеры и архитектор из Риги, снимали планы. Если бы они начали копать первыми и нашли плиту, мы бы ее никогда больше не увидели. А ее, может быть, велел вырезать мой предок. Вы знаете, что я по материнской линии происхожу от Фитингофов?

Лысому господину было лень припоминать всех крестоносцев, от которых за три года знакомства успел произойти барон. Тем более что Фитингофов в крестоносные времена в Вестфалии было немало. Уж этим вопросом лысый господин занимался основательно — он хотел понять, какая может быть родня у человека, чья жизнь очень его интересовала.

— К тому же туда нужно подниматься. Тропа — узкая и скользкая. Замок — на берегу Двины, а берег высокий. И лучшее, что мы там можем увидеть, это куски доломита, из которого он был построен еще при епископе Мейнхарде. Здесь была его первая резиденция. Поверьте мне...

— Я хочу пройтись и подышать свежим воздухом.

Избалованный нос лысого господина уловил совсем уж гадкий запах — на кухне подгорела брошенная на плиту жирная тряпка.

— Но вокруг — сплошная грязь, осень, видите ли...

— Вижу. Тогда отведите меня в комнату, куда не доносятся кухонные ароматы.

— Ароматы? — удивился барон. — Вы о чем, сударь? Там Гриета готовит ужин... для работников, для работников! Мы ведь держим пост! Хотя вода дозволена. Хотите, я велю Петеру подать холодной воды?

— Не надо. Я пошлю Клауса к колодцу.

Клаус вернулся и мрачно доложил: какой-то феноменальный дурак поставил в двадцати шагах от колодца хлев, и чтобы дойти, нужно шлепать по навозной жиже. Так что зачерпнуть воды из такого сомнительного колодца кучер не рискнул.

— Возьмите Лизетту, скачите к ближайшей корчме и добудьте чистой воды. Заодно узнайте, можно ли там переночевать.

— Будет сделано, господин Вернер.

— Как? Я же распорядился, чтобы вам тут приготовили постель! — возмутился барон.

— Благодарю. Мне будет удобнее в корчме, — сухо ответил лысый господин. И отодвинул стулья, загородившие книжный шкаф.

Барон надулся. Он не понимал, что смутило гостя. Сам он вырос в примерно такой же усадьбе, эту приобрел недавно на деньги лысого господина — требовалось жилище недалеко от развалин замка. И он даже гордился тем, что сумел навести в ней кое-какой порядок.

Им следовало обсудить подробности ритуала, но взаимное недовольство мешало обоим: один обиделся, что его труды не оценили, другой неожиданно осознал, что зря потратил кучу денег. Только ближе к полуночи оба собрались с духом, чтобы действовать.

Барон даже переоделся — оказалось, он где-то раздобыл длинный черный халат и решил считать его мантией. На голову он надел черную шапочку вроде ермолки и преобразился: только что был неряшливым стариком, и вдруг сделался то ли магом, то ли алхимиком. Последнее, что он сделал, — повесил на грудь красный тамплиерский крест в круге, вырезанный из дерева и аккуратно

раскрашенный. Круг был величиной с суповую тарелку и весил никак не меньше трех фунтов.

Лысый господин (барон обращался к нему «господин Вернер», но до сих пор не знал, это имя или фамилия) тоже достал из саквояжа одеяние, но ослепительно белое, с нашитым тамплиерским крестом, также красным, только побольше. Одеяние помялось в дороге, но доверять его кухарке Гриете лысый господин не рискнул — в доме барона фон Апфельдорна уют, несомненно, был, но чистить его от ржавчины и грязи пришлось бы до утра. Если бы в баронской усадьбе пекли в этот день хлеб, можно было бы воспользоваться старым крестьянским способом и разгладить ткань горячими ковригами, сперва укрыв самой чистой простыней, какая только есть в хозяйстве. Но хлеб не пекли, так что пришлось обойтись.

Свое одеяние лысый господин натянул поверх сюртука — в спальне было холодно, потому что огонь в печке мог все испортить. Огонь мог быть только от трех свечек — это барон, собиравший все о тайных ритуалах, вычитал в одной умной книжке, и лысый господин спорить не стал.

— Нужно помолиться, — сказал он. — Я привез молитвенник семнадцатого века — самый старый, какой мог достать.

— Вы уверены, что тамплиеры читали именно такие молитвы?

— Я уверен, что они молились по-латыни, а латынь времени неподвластна, что ей сделается...

После чего барон принес три мельхиоровых подсвечника, в каждом стояло по большой белой свече, зажег их, а керосиновую лампу погасил. Эти подсвечники были установлены на плите в круге, там, где линии, пересекаясь, образовали правильный треугольник.

Затем лысый господин достал из сундучка конверты с монетами, которые лежали сверху, и стал раскладывать монеты по лункам. Барон внимательно следил. Вдруг он переместил две монеты.

— Это еще зачем?

— Они должны быть выпущены в одном году и совпадать по номиналу.

— Где вы это вычитали?

— Нигде. Своим умом дошел!

— Вы с вашей супругой совпадали по году выпуска?

— Ответа не было.

Разложив монеты, лысый господин достал из сундучка большой конверт.

— Тут заклинание, — сказал он. — Нарочно отыскал знатока средневековой латыни, ездил к нему в Дюссельдорф. Читать буду я. Вы собьетесь.

— Отчего это я собьюсь?!

— Оттого, что вы не знаете заклинания, а я его наизусть выучил. Текст мне нужен на всякий случай, для уверенности. Остается один вопрос. Как быть с вашими работниками?

— А что?

— Они могут подслушивать.

— Они не поймут ни черта. Это латыши.

— Я узнавал — среди латышей встречаются грамотные, которые хорошо знают немецкий.

— Моя Гриета? Она знает двести слов. Петер — столько же. А батраки живут на соседнем хуторе и уходят туда ночевать.

Лысый господин выглянул в окно. Оно смотрело не на дорогу, а на задний двор. Там в полусотне сажен от усадьбы стояли домишки для прислуги, клеть и баня. Ни одно окошко не светилось. Барон не солгал — батраки действительно тут не жили, и даже в бане хозяин не приютил какого-нибудь слабосильного старика, как это часто делалось в здешних краях.

— Кучер? — спросил лысый господин.

— Кучер?.. Это простой парень, он исполняет обязанности конюха и помогает Петеру по хозяйству.

— Плиту сюда переносили батраки?

— Да...

— Ну, ладно. Теперь уже ничего не изменишь. Ваш племянник?

— Эрнест живет и учится в Риге, я поместил его в приличное семейство на полный пансион. Тут негде учиться. И сюда его не заманишь, особенно в такую погоду. А ваш Клаус?

— Клаус — надежный человек, мы вместе... Впрочем, это не имеет значения. Запирайте дверь, господин барон, и приступим.

Они прочитали по молитвеннику несколько молитв, причем читал лысый господин, а барон повторял. Потом настало время для заклинания.

Заклинание полностью противоречило молитвам. Вместо Мадонны призывался на помощь демон Бафомет со всей своей адской свитой. Лысый господин читал нараспев, взмахивая руками и запрокидывая голову. Барон уперся руками в плиту, смотрел на три огонька и, когда прозвучало роковое «Да будет так!», резко дунул.

Две свечи погасли, одной удалось спасти огонек.

— Черт бы вас побрал! — напустился лысый господин на барона. — Уже и свечу погасить вы неспособны!

— Я не успел подготовиться!

— Не успел!

— Вы должны были предупредить!

— Вы знали, что свет нужно гасить после «так»!

— Все пропало, все пропало! Когда еще будет такая ночь?..

— В ближайшее полнолуние, растяпа!

— Нет — когда еще звезды опять встанут соответственно моей натальной карте?!

— Черт бы побрал вашу натальную карту!

— Нет! Все дело в ней! Поскольку я — прямой потомок Арно де Бетанкура, ритуал должен сработать только с моим участием! Он заложил в механику ритуала миг моего рождения!

— Это что-то новое, господин барон! Давно ли додумались?

— Я всегда знал это! Я — прямой потомок тамплиеров...

— ...дававших обет безбрачия!.. Ладно, хватит. Пробуем еще раз, — хмуро сказал лысый господин. — Зажигайте свечи. Перед тем как гасить, я дам знак, вот такой.

Он щелкнул пальцами.

— Нельзя. Это же звук.

— Это будет без звука. Итак... вы куда полезли?..

— Я спички уронил.

Лысый господин возвел взор к потолку.

Наконец они, помолчав и внутренне настроившись на магический лад, были готовы повторить ритуал.

После молитв, заклинания «Да будет так!» все три свечи погасли.

В полном мраке и неподвижности незаконный потомок тамплиеров, очевидно — всех сразу, и лысый господин простояли по меньшей мере десять минут. Потом у барона отчаянно зачесался нос. Пришлось поскрести.

— Не двигайтесь, ради всего святого... Вы им помешаете... — зашипел лысый господин.

— Молчите... вы же их испугаете...

— Тихо, тихо...

— А... А... Апчхи!

Случается же такой чих — как будто из револьвера пальнули.

— Болван! Вы все погубили! Хватит! Я устал. Мне надоело тратить деньги. Плиту я забираю, она моя, — холодно сказал лысый господин. — За ту сумму, в которую мне обошлись поиск и откапывание, можно было новый Икскюльский замок построить.

— Ваша, ваша... — пробормотал ошалевший от огорчения и отчаяния барон.

— И не вздумайте ее прятать! Найду. Зажигайте керосиновую лампу.

Раздался стук. Лысый господин не сразу сообразил, что барон грохнулся на колени.

— Что еще? — спросил он.

— Всего один разочек! Гриета, Гриета! Принеси огня! Гриета, дура, ты спишь?!

— Как вы меня утомили...

Явилась кухарка с клоком горящей бересты, барон встал, зажег лампу и выпроводил Гриету.

— Расписку пишите! — потребовал лысый господин.

Расписка была самая простая: в том, что барон фон Апфельдорн получил в уплату за каменную плиту, имеющую историческую ценность, с резьбой, изображающей двух всадников на одном коне, тысячу четыреста пятьдесят рублей. На самом деле потрачено было куда больше, но лысый господин разумно рассудил: если поставить истинную сумму, то расписка ввергнет юристов, в случае судебного процесса, в великое недоумение. В расписке он назвал себя Вернером фон Рейенталем.

Поставив росчерк, барон навис над плитой, чуть ли не носом тычась в каменную резьбу.

— Они могли, мы ведь долго ждали... — пробормотал он. — А что, если это не те монеты? Господин Вернер, давайте попробуем другие!

— Пожалуй...

Монеты из других конвертов были уложены в лунки. Барон стал зажигать свечи, и тут случился спор: если монеты — новые, то и свечи должны быть новые, так решил лысый господин, а барон не понимал его логики. Однако новые свечи были вставлены в подсвечники, керосиновая лампа потушена, ритуал начался с самого начала — с латинских молитв, хождения вокруг плиты, махания руками над свечками и, естественно, заклинания.

Лысый господин вдруг заметил, что перестал ощущать запахи. Запахов в старой усадьбе было много — пыли, гнили, кошачьих проказ, и это еще не считая кухонных.

Барон же понял, что оглох. Голос лысого господина сделался сперва далеким, еле слышным, потом и вовсе пропал.

При этом лысый господин ощутил прикосновение к груди и животу, словно бы лег лицом вниз на постель. А барон, напротив, ощутил такое же прикосновение к спине и даже сделал шаг вперед, но оно никуда не делось.

Оба испугались, но ритуал продолжался.

При этом поразительные мысли лезли им в головы. Казалось бы, нужно сосредоточиться на латинских словах, выговаривая их четко и правильно, влагая в них всю силу души. Но барон вдруг представил себе Гриету — как она ложится в постель, сняв все, кроме рубахи и вязаных толстых чулок с цветным узором. Лысый господин же увидел сорокалетнюю даму, которая точно так же раздевалась перед ним, но он был в тот миг семнадцатилетним гимназистом, не желавшим пойти с однокашниками в бордель из брезгливости, а желавшим именно светскую красавицу, о которой ходили слухи, что-де немало себе позволяет.

Это было совершенно некстати.

Вдруг на плите, не дожидаясь торжественного «Да будет так!», вспыхнула большая голубая искра. Одновременно все три свечи погасли.

Барон, стоявший ближе, шарахнулся от нее, лысый господин онемел. Во рту у него образовалась неприятная слюна — с металлическим привкусом, мешавшая говорить.

Искра покачалась в воздухе между лысым господином и бароном, оставляя след в виде тонкого дымка, и медленно поплыла над вырезанным кругом. Воздух задрожал, светлый дымок заструился, всадники зашевелились...

— Оно! Оно! Оно! — закричал барон.

— Матерь божья... — пробормотал, сглотнув, лысый господин. — Что вы стоите?! Зажигайте лампу!

— Нет, нет, пусть оно сперва уйдет!

Но искра просто так уходить не желала — более того, она явственно разозлилась, как будто не получила желаемого. А злость голубой искры — вещь опасная. Сперва она, метнувшись в сторону, подожгла рукав баронского халата, потом устремилась к лысому господину. Тот с перепугу прихлопнул ее толстой книгой — латинским молитвенником. Искра, упав в середину круга, на каменных всадников, зашипела, пустила последний дымок и более не безобразничала.

Барон сбивал с рукава пламя тем, что подвернулось под руку, — подушкой. Лысый господин поспешил на помощь.

Пламя оказалось упрямым и холодным. Но рукав пожирало исправно, и один длинный острый язычок уже лизнул тамплиерский крест. Наконец лысый господин вытряхнул барона из халата и приказал звать Гриету с ведром воды. Заодно Гриете крикнули принести огонь. Но стряпуха явилась не сразу, в чепце набекрень и с шалыми глазами. За ней ворвался кучер Клаус, в каждой руке держа по револьверу.

Когда лампу зажгли, черный халат утопили в ведре, Гриету прогнали на кухню — вздуть самовар и готовить хоть какой ужин, Клауса отправили за дровами, чтобы наконец затопить печь, наступила самая главная во всем этом деле пора.

Барон и лысый господин склонились над плитой.

Во всех лунках лежали тусклые монеты, в двух — блестящие. И более того — они лежали поверх тусклых.

— Получилось! — воскликнул барон. — Но как, как? Что именно сработало? Почему — эти? Почему не другие?!

Лысый господин потянулся к ним пальцем, но в последнюю долю секунды отдернул палец.

— Секрет тамплиеров — наш! Нет больше секрета тамплиеров! — продолжал буянить барон. — А они не верили! Они смеялись! Когда я понял, что деньги могут размножаться, — что мне сказали? Что я старый безумец! Что деньги размножаются одним путем — когда их кладут в банк под проценты! А откуда у тамплиеров были деньги? В таком количестве? Они что — из Америки серебро привозили? Да, да, я и такое слыхал! Из Америки — ха-ха-ха! Дураки! Болваны! Деньги спят, их нужно только разбудить! И они будут размножаться! Но я должен понять — почему именно эти монеты? Я пойму, я пойму! Размножаться будут все! Господин Вернер, сколько вы вложили в дело? Теперь вы через месяц получите двести процентов, потом — четыреста, потом — тысячу шестьсот процентов, представляете?

— Представляю. Но вы сперва возьмите эти деньги в руку, — предложил лысый господин. Он должен был бы

усмехнуться, потому что расписка уже лежала во внутреннем кармане его черного сюртука, но сдержал усмешку.

— И возьму! Вот, взял... что такое?! Они горячие!

Монеты, выскочив из ладони, разбежались по плите. Теперь стало видно — это два старых нассауских кро-ненталера, весьма потертых, и два новых, словно только что отштампованных, с четким рисунком — увенчанный короной гербовый щит, а на нем — стоящий на задних лапах лев.

— Мы открыли только половину тайны, — сказал лысый господин. — Или даже вовсе четверть. А главная загадка, боюсь, так просто в руки не дастся, а завтра попробуем провести ритуал с другими монетами. Может, что-нибудь пойдем.

Барон съезжился под его ледяным взглядом. Барон был слишком взволнован и напуган.

— Моя мантия... мантия погибла!.. — воскликнул он. — И крест!

— Где он?

— В ведре! С него, наверно, уже смылась краска!

— Боже мой, какой же вы остолоп... Зовите свою Гриту. Клаус, Клаус!

Кучер очень скоро появился.

— Ты привез хорошую воду?

— Да, ваша милость.

— Очень хорошо. Принеси из экипажа корзинку с удовольствием. Возьми там себе холодного мяса и хлеба, чаем я с тобой поделюсь. А завтра привезешь свежий горячий завтрак из корчмы.

— Как прикажете.

Клаус едва заметно ухмыльнулся в усы, и точно так же ухмыльнулся лысый господин. Эти двое прекрасно понимали друг друга.

Глава первая

Софья Андреевна шла домой неторопливо, поглядывая на витрины. Это было ежедневной обязательной прогулкой: после работы — пешком до дома за двадцать минут. Помешать могли только ливень, гололед или совсем уж антарктический мороз.

У нее было два маршрута — через старый торговый центр «Альфа» и через новый торговый центр «Бонус». И в том, и в другом она могла купить фруктов к ужину (Софья Андреевна блюла фигуру), изучить скидки (на вещи, которые ей совсем не были нужны; нужные она покупала в других местах), выпить стакан свежесжатого сока. Иногда она просто шла насквозь, иногда застревала, чтобы купить колготки или новую шапочку для душа.

Деньги у нее были, она неплохо зарабатывала, и именно поэтому не тратилась на всякую дорогостоящую ерунду. Она знала, что даже очень хорошие зимние сапоги не должны стоить больше десяти тысяч. Если в этих сапогах предстоит ходить по улицам, которые в пору гололеда поливают всякой едкой химией, то следует смириться с тем, что они на один сезон и стоить должны соответственно. А вот норковый жакет — по меньшей мере на пять сезонов, и, опять же, он имеет право стоить соответственно.

При этом она не была скупердяйкой. При всей своей деловитости и расчетливости Софья Андреевна могла потратить немалую сумму на какую-то свою блажь. Потому что норковый жакет для дамы на выданье — необходимость, а блажь — чисто для радости.

В тот день Софья Андреевна целенаправленно заглянула в обувные магазинчики — лето кончалось, и ей хотелось к следующему лету взять две пары босоножек на каждый день со скидкой в семьдесят процентов. Обувь на выход у нее имелась — разведясь с мужем в пятьдесят лет, Софья Андреевна собиралась найти нового спутника жизни, поэтому очень о своих нарядах заботилась. Так что домой она явилась на час позже, чем обычно, и во дворе на лавочке обнаружила крестницу Анюту. Анюта горько плакала, при этом не забывая колыхать большую нарядную коляску.

— Теть-Сонь, я вам звонила, звонила... я уже не знала, что подумать... все рушится, а тут еще и вы...

— Тю на тебя!

Софья Андреевна, женщина мудрая, шастая по торговым центрам, закапывала айфон и кошелек так глубоко в сумку, что не слышала рингтона.

Крестница приходила в гости редко, потому что говорить особо им было не о чем. Эта Анюта приходилась какой-то восьмьюродной племянницей бывшему супругу, и Софья Андреевна оказалась крестной матерью ради соблюдения хороших отношений с мужниной родней. Анюте было тогда четыре года, и Софья Андреевна по мере возможности делала ей приличные подарки — то кофточку, то скромные сережки. Когда отношения с мужем пошли вразнос, она потеряла крестницу из виду. Знала только, что Анюта вышла замуж, но, поскольку на свадьбу не позвали, обошлось без подарка.

И вот — радуйтесь! Оказывается, уже есть годовалое дитя!

Естественно, Софья Андреевна не позволила Анюте рыдать во дворе, а сама покатила коляску к подъезду и установила в лифте. Дом был старый, лифт — крошечный, кроме коляски, там с трудом помещался один человек, поэтому Анюте пришлось подниматься пешком.

И только на кухне, почтенной кухне старого образца, площадью в четырнадцать квадратов, за чашкой крепкого кофе, Анюта рассказала свою горестную историю.

Да, влюбилась — кто бы не влюбился? Да, забеременела — кто бы не забеременел? Да, спешно поженились. Парень оказался порядочным, даже чересчур — очень долго скрывал от Анюты, что в амурные отношения с ней вступил назло той, единственной и неповторимой, которую любил больше жизни; в загс пошел лишь по причине порядочности. Но вот правда вылезла наружу.

И прозвучало слово «развод».

Разводиться, когда ребенку всего годик, нехорошо, и супруг просто ушел из дома без всяких формальностей. Взял и ушел. К той, к любимой.

Анюта не хотела отпускать, кричала, плакала, и они разругались вдребезги. Так что трудно было предположить, когда муж немного остынет и хотя бы с кем-то из знакомых передаст немного денег на воспитание ребенка.

— Я никогда в жизни так не кричала, это была не я, — жаловалась Анюта. — Я дура, мне и папа всегда говорил, что я дура... А что я должна была сделать?..

И она очень жалостно хлюпнула носом.

Софья Андреевна не умела утешать. Она знала только один способ успокоить плачущую женщину.

— Ну, не реви, — сказала она. — Если я дам тебе сорок тысяч — тебе этого на первое время хватит?

— Хва-тит... А отдавать?!

На кухне всегда были два-три рулона бумажных полотенец. Софья Андреевна оторвала длинную полосу и протянула крестнице.

— Вытри личико. Отдашь, когда сможешь.

— А когда смогу?.. Работы нет, мужа нет, ничего нет!

И крестница опять захлюпала носом.

— Ты хорошо влипла. Но он оставил тебе квартиру, потом начнет платить алименты. Квартира двухкомнатная, одну комнату будешь сдавать. Ничего, выкрутишься.

— Про... простите меня...

— За что прощать-то? Покойная Люся меня просила — не бросай Анютку. Так что — вот, не бросаю. Но должна я тебе сказать, милая крестница, что папа прав и была ты

дурой. Обязательно было за него замуж идти? Обязательно было ему сына рожать? Ты же неглупая девка! А тут на тебя помутнение, что ли, нашло?

— Помутнение, тетя Соня... Я думала...

— Что думала?

— Что он меня любит...

Анюта разрыдалась.

— Вытирай рожу! — прикрикнула Софья Андреевна. — И высморкайся как следует! Погоди-ка...

В шкафчике, так высоко и глубоко, что без табуретки не достать, стояла бутылка коньяка. Расставшись с мужем, Софья Андреевна так впряглась в работу, чтобы прогнать из головы посторонние мысли, что домой приползала чуть живая и нуждалась в лекарстве от переутомления. Сперва это были пятьдесят граммов, потом сто, потом она испугалась грозящего алкоголизма: сто граммов каждый вечер, без которых не спится и настроение не поправляется, — это уже опасно. Выливать коньяк в раковину она не стала, просто спрятала — мало ли что? Был у нее рецепт хвороста, доставшийся от бабки, и туда для аппетитного хруста как раз следовало добавлять коньяк. Софья Андреевна очень надеялась, что вскоре за этим вот столом вместо Анюты будет сидеть мужчина, ради которого не жалко потратить два часа на хворост.

Она с трудом добыла бутылку и, чтобы не мыть лишнюю посуду, плеснула коньяка в Анютину кружку, где еще оставалось немного кофе.

Средство подействовало. Еще минут пять Анюта хныкала, жалела сыночка Феденьку, который не нужен своему папочке, потом захныкал и Феденька в коляске. Поменяв памперс и дав ребенку в ручку кусок баранки, пригодный, чтобы мусолить, Анюта сказала:

— Тетя Соня, мне нужно устроиться на хорошую работу!

— Правильно. А что ты умеешь?

— Я бухгалтерский техникум окончила.

Своим дипломом Анюта очень гордилась. Он словно бы поднимал ее над одноклассницами, которые после

школы сразу пошли продавщицами кто на рынок, кто в торговый центр, в крошечный магазинчик с китайским барахлом.

— Все-таки окончила? А сколько работала по специальности? Два месяца? И потом — в декрет? Нет, бухгалтеров теперь развелось — по пять штук на душу населения. В маникюрши-педикюрши ты сама не пойдешь... Так... Хорошая работа для девочки, которая ничего не умеет...

Это была отличная задачка для деловой женщины. Софья Андреевна даже стала барабанить пальцами по столу и вдруг с ужасом уставилась на свою руку.

— Боже мой, перстень!

— Какой перстень? Тот, с красным камнем? — спросила Аня.

— Бабкин перстень! Проклятая диета! Почему-то первыми пальцы худеют! Я знаю, где он с руки скатился, — в туалете, когда я руки мыла!

— Так, может, он там и лежит?

— Это туалет в торговом центре! Он там недолго пролежит! Вот дура, вот дура...

— Погодите, тетя Соня, погодите! — воскликнула Аня. — Не может быть, чтобы вы смотрели на мокрые руки и не заметили, что перстень пропал. Он же должен был стукнуть! Тетя Соня, он где-то в другом месте, погодите...

Аня стала тереть ладошку о ладошку. Софья Андреевна вспомнила — это был давний, еще совсем сопливых времен, необъяснимый жест крестницы.

— Точно, ты в детстве умела пропажи отыскивать! Думай, думай...

— Тут не думать надо, тут как-то иначе...

Софья Андреевна с некоторой тревогой следила за руками Ани. Руки вздрагивали, вступали в сложные отношения, правая словно что-то выливалась из ладони, левая описала вокруг правой круг, и несколько секунд спустя обе стали двигаться одинаково — как будто пришлепывая незримую субстанцию, распространяющуюся вверх.

— Тетя Соня, где ваша сумка? — спросила Анюта.

— Сейчас!

Софья Андреевна принесла из прихожей сумку — дорогую и стильную, потому что в юности ее научили не экономить на сумках. Анюта открыла ее и вытряхнула на кухонный стол.

— Вот ваш перстень, тетя Соня, — сказала она. — Вы за чем-то в сумку лазили, и он зацепился.

— Вот это интуиция! — Софья Андреевна сразу надела перстень на средний палец. — Как это у тебя получилось? Вот это?

Софья Андреевна попробовала повторить Анютины жесты.

— Теть-Сонь, вы что делаете?

Софья Андреевна удивленно посмотрела на Анюту. Крестница не притворялась.

— Мистика... Ты что, действительно себя не контролируешь?

Анюта даже растерялась.

— А что, надо?

Софья Андреевна была настоящей деловой женщиной — не загромождала свою единственную голову лишней информацией. Голова была ей нужна для работы, а рассуждения о магических пассажах для деловой женщины совершенно бесполезны. Поэтому она не стала расспрашивать Анюту, а задумалась. Способность искать пропажи — хороший товар...

— Слушай, Анютка, я придумала для тебя работу. Помнишь дядю Борю? Твоя мама еще чуть за него замуж не вышла?

Покойная Люся, было дело, собралась как-то бросить мужа, Анютиного папу, и даже знакомила дочку с женихом; правда, ничего не получилось.

— Помню. Серьезный дяденька, — неуверенно ответила Анюта.

Она тоже не держала в голове лишней информации; взрослый дяденька был для ребенка совершенно лишним.

Когда он исчез с Анютиногоризонта, она ни разу о нем не вспомнила.

— Этот серьезный дяденька — банкир, торгует недвижимостью, что-то он еще с железной дорогой делает, кажется, был какой-то контракт о покупке локомотивов... — Софья Андреевна задумалась, вспоминая подробности, но вдруг поняла, что они сейчас не имеют значения. — Он такой человек — деньги к нему сами липнут. А начинал он двадцать пять лет назад с сети гадалых салонов. Почему — не спрашивай! Я сама в один бегала, пока не поумнела. Там он по старой дружбе велел меня обслуживать бесплатно. Ну так вот, тот салон еще жив, Борька... То есть Борис Семенович... В общем, он не просто этот салон сохранил, а у него там вроде штаб-квартиры... Ну, игрушка у него такая! Так вот, Анютка, я и думаю — надо ему позвонить. Может, там гадалка нужна.

— Тетя Соня, да я не умею гадать! И вообще — ни во что такое больше не верю! И какая из меня гадалка?! Вы на меня посмотрите! Они же там все черные и лохматые! — с ненавистью воскликнула крестница.

Анюта была блондинкой, притом постриженной коротко и неудачно, а вот разлучница — как раз кудрявой длинноволосой брюнеткой.

— С чего-то же нужно начинать. Ты умеешь искать пропажи — тут ты спорить не станешь? Ну вот я тебя к нему и пристрою.

— Не надо, тетя-Сонь. Лучше я уборщицей пойду. В детский садик...

— Можно еще мыть полы в привокзальном сортире! — рывкнула Софья Андреевна и взяла айфон. — Борька, Борька... ну буквы «бэ» нет... Успенский... на букву «у» тоже нет... «Трансинвест»? И на букву «тэ» нет, куда же он запропастился? А! Вспомнила, на букву «и»! Этот салон называется «Инари»!

Анюта не проявила к слову ни малейшего интереса, но Софья Андреевна вспомнила, что еще тогда, четверть века

назад, собиралась узнать его смысл, да все как-то не собралась.

— Гугль нам в помощь, — пробормотала она.

С айфона Софья Андреевна вышла в Интернет и полминуты спустя прочитала:

— Инари, так, так... Японская богиня изобилия, риса и житейского успеха... А что? Годная богиня! Сейчас я ему позвоню...

— Я не хочу быть гадалкой!

— А чего ты хочешь?

Это был страшный вопрос. Анюта, уж так получилось, никогда ничего не хотела. То есть новые туфли, колечко, курточка, замуж, модные духи, своя квартира — такие желания у нее были. Но в бухгалтерский техникум ее загнули чуть ли не пинками — учиться она не хотела, быть бухгалтером тоже не хотела, получать какую-то другую профессию — тоже... Поскольку кем-то же нужно быть, она смирилась и с большим трудом получила диплом.

Ей даже было смешно слышать, когда какая-то из подружек говорила: хочу стать заведомом, хочу поступить в институт. Анюта не понимала, как можно этого хотеть. Слово «карьера» в ее лексикон не входило. А в ее Вселенной, похоже, не было ни прошлого, ни будущего, один только нынешний день с его заботами и потребностями.

Но зато у нее была железная хватка, которая проявлялась в отношениях с людьми. Вцепившись в подружку, Анюта ни с кем не желала ее делить, пока бедная жертва не находила себе парня. Эта хватка оказалась роковой — если бы Анюта так не вцепилась в будущего мужа, то не затащила бы его в загс по случаю беременности и не осталась у разбитого корыта.

— Может быть, ты хочешь, чтобы у всех дети ели фрукты, а твой Федька радовался картошке? — сурово спросила Софья Андреевна. Удар был ниже пояса — крестная знала, что незатейливые молодые женщины, вроде Анюты, часто становятся сумасшедшими мамашами и видят смысл жизни в том, чтобы у ребенка все было не хуже, чем у других.

— Нет, — буркнула Аня.

— И попробуй только не пойти в это самое «Инари»! Алло? Боря? Это Соня, вспомнил? Боря, тут у меня для тебя подарок — девочка с фантастической интуицией. Дочка покойной Люси, вспомнил? Тебе такая в «Инари» не нужна? Ага! Она завтра к тебе подойдет... В шесть ровно? Хорошо, и скажет, что от меня. У тебя все в порядке? И у меня все в порядке. Пока!

Вот так, без лишних раздумий, практически без сострадания и сочувствия, Софья Андреевна решила судьбу крестницы.

Анюту не очень хотелось идти в салон, причина была уважительная — она незадолго до свадьбы потратила на гадалку и какой-то невероятный любовный приворот кучу денег. Приворот оказался краткосрочный, восстановлению не подлежал. И отношение к таким салонам у Анюты было самое отвратительное. Но выбирать не приходилось: или гадальный салон, или торговать картошкой на базаре, причем неизвестно, возьмут ли маленькую хрупкую Анюту туда, где нужно переставлять мешки с корнеплодами.

Так что на следующий день она пошла в «Инари», взяв с собой Феденьку — а куда же его девать?

Гадальный салон помещался в современном здании, вход имел из Савельевского переулка, соседями его были флористический салон и маленькая студия дизайнера — такого дизайнера, который и у совершенно здорового человека способен спровоцировать шизофрению. Здание занимало примерно четверть квартала, и выходящий на Речную улицу фасад был украшен двумя здоровенными вывесками — банковской «Трансинвест» и загадочной «Steelballs».

Рядом стоял старинный дом с грамотно отреставрированным фасадом. Контраст был удивительный. Но Анюта ничего не смыслила в архитектуре. В истории, впрочем, тоже.

Дом был творением известного архитектора, к нему даже экскурсантов приводили. Он и имя имел — Афанасьевский,

поскольку строил его невесть когда, еще в восемнадцатом веке, богатейший купец Афанасьев, тот самый, который дал имя еще одной протасовской достопримечательности — Афанасьевским Горкам. Там его иждивением воздвигли две богадельни — для одиноких вдов и отставных солдат. Как-то так вышло, что там вскоре стали селить умалишенных. И когда в середине двадцатого века город обзавелся неврологическим диспансером, воздвигнутым на месте богаделен, народ оставил за ним привычное название.

Афанасьевский дом был старинным только снаружи. Внутри он имел четыре квартиры, но какие квартиры! Двухуровневые, престижные! Две из них были с большими ванными комнатами, где помещались джакузи, а две другие — не только с джакузи, но и с саунами в подвале. Хорошо было и то, что имелась своя стоянка — в Парковом переулке.

Память у Анюты была не то чтобы плохая — а просто выкидывала навеки то, что не требовалось в быту. Осколки и огрызки она все же иногда сохраняла — вот и этот перекресток Речной и Савельевского был чем-то знаком. Если бы Анюте сказали, что лет шесть назад тут стоял двухэтажный деревянный дом, куда она дважды приходила с любимой подружкой в гости еще к одной подружке, она бы только пожала плечами: изменения в городском пейзаже к ее жизни отношения не имели.

Дядя Боря, которого она с грехом пополам припомнила, оказался не таким, как пятнадцать лет назад, высоким и стройным брюнетом, а толстым, крепко польсевшим, и росту в нем убавилось. Такое случается с мужчинами под шестьдесят. Однако взгляд был живой и бойкий.

— Входи, Анечка, — сказал он, увидев в дверях кабинета женщину с коляской. — Твой, что ли? Ну, как время летит! Знакомьтесь — Анечка, Дмитрий. Мой референт.

Дмитрий Анюте не понравился — слишком худое лицо, угловатые плечи, нос острый, темные волосы — плоской прядью на лбу, глаза глубоко посажены, усмешка кривоватая и хитроватая. Лет ему было — под тридцать. И Анюта

видела, что она тоже этому хорошо одетому мужчине не понравилась.

Слово «референт» ей ничего не говорило. И узнавать, что оно означает, Анята не желала — это была совершенно лишняя информация.

— Добрый день, Анечка, — сказал Дмитрий. — Так это про вас ходят по городу слухи, будто потрясающая интуиция?

Анята сперва испугалась, потом поняла, что это шутка такая, и рассердилась. Нужно было что-то ответить, но она не могла найти подходящих слов.

— Перестань, Митенька, — велел догадливый дядя Боря. — Видишь, девочка стесняется. Садись, Анечка. А коляску можно вон туда...

Анята впервые в жизни оказалась в кабинете начальника. Такие кабинеты она видела на телеэкране, но комната, куда она попала, выглядела как-то подозрительно. На стенах висели не картины, а застекленные витрины с монетами. Книжный шкаф был раскрыт, на полках стояли книги в старинных округлых переплетах, каждый переплет на вид — чуть ли не с Анятино бедро. На столе перед дядей Борей тоже лежали книги, а прямо перед его креслом был большой микроскоп.

И еще на столе были деньги — целая гора мелочи. Анята опознала евро, центы, естественно, пятирублевки и десятирублевки, прочие видела впервые в жизни.

— Интуиция, значит... Анечка, давай проведем эксперимент, — сказал дядя Боря. — Видишь деньги? Тут, в этой куче, возможно, есть пара монет с секретом.

— С каким секретом? — спросила Анята. Ей почему-то представилась очень плоская круглая коробочка, хотя и непонятно было, что можно держать в коробочке размером с пятирублевку.

— Этого я тебе пока не скажу, миленькая. А вот если тебе монета покажется необычной, именно покажется, ты мне ее отдашь. И потом у нас уже будет серьезный

разговор. Или не будет — это как получится. Митя, пошли, не будем девочке мешать.

Они вышли из кабинета в дверь, которой Анюта сразу не заметила.

Несколько минут Анюта игралась с деньгами — раскладывала их по кучкам, потом строила из одинаковых столбики. Несколько крупных монет оказались совсем загадочными, из неведомых краев. Анюта разглядывала их, пытаясь понять — неужели золото? И вот она вспомнила, для чего сюда явилась.

Как следует растерев руки, Анюта стала трогать кончиками пальцев монетные столбики. Почему-то ей казалось, что это правильно. Потом она уловила тепло — может, миллионную долю градуса, но уловила. И она впала в то состояние, когда голова пуста, а руки самостоятельны.

Анюта не знала, что под потолком прицеплена веб-камера, и за ее пассажирами следят из другой комнаты дядя Боря и Митенька. В этой комнате обычно сидел охранник, контролируя «Трансинвест», но сейчас его выставили.

— Смотри, смотри... — шептал дядя Боря. — Она точно что-то такое чувствует... Транс, клянусь крокодилами, она умеет вводить себя в транс!

— У нее не все дома, — ответил референт, глядя, как Анюта с расфокусированным взглядом стучит по столу кулачком с зажатыми монетами.

— Митенька, у нормального человека ничего не получится...

Сам Борис Семенович был предельно нормален, но, начиная гадалый бизнес, на всякое насмотрелся. Лучшей гадалкой, какую он когда-либо видел и не сумел переманить к себе, была женщина с безумным взглядом и волосами дыбом, которую родственники уже боялись выпускать из дома. А референт Митенька был примерно таким же материалистом, как Анюта, когда не вводила себя в состояние поиска, хотя в последнее время его материализм дал изрядную трещину. Но Митенька полагал, что рано

или поздно всему найдется научное объяснение, и не забивал себе голову сомнениями.

Анюта не знала, что ее правая рука обрела временный разум. Рука откуда-то знала, что если стучать кулаком по столу, температура монет повысится. Это произошло — и Анюта, опомнившись, отшвырнула монеты. Они полетели на пол.

Тогда только она опомнилась.

— Она вышла из транса и ничего не понимает, — сказал, глядя на экран, дядя Боря. — Возможно, мы нашли то, что нам требуется. Митенька, девочка с придурью, но ты уж разберись...

— И с придурью, и просто дура, — ответил референт. — Но как скажете, Борис Семенович. Идем, а то она сейчас, кажется, запаникует.

Они вошли в кабинет, и дядя Боря очень ласково заговорил с растерявшейся Анютой. Нужно было выпытать подробности, но она не знала никаких подробностей и не могла связно объяснить, что с ней произошло.

Дядя Боря был умен, а женщин на своем веку знал около двух сотен — близко, и столько же — по-приятельски. Случались и серьезные увлечения — вроде покойной Люси. Он усвоил: даже очень умная женщина любит маленькие подарки, а уж такая, как Анюта, даже не задумается, что подарок придется как-то отрабатывать.

— Ну ладно, Анечка, не буду тебя больше мучить. Вот твой гонорар. — И дядя Боря протянул конверт, в котором лежали две тысячные бумажки. — На самом деле ты нам очень помогла. Дай-ка я твой телефон запишу. Если что — буду звонить.

Анюта хотела спросить, не возьмут ли ее на работу, но уверенный тон дяди Бори сбил ее с толку.

— Хорошо, — сказала она и сразу заглянула в конверт.

Дядя Боря и референт переглянулись: совсем дикое дитя, не испорченное воспитанием.

Когда Анюта ушла, Митенька подобрал с пола монеты.

— Три штуки. Петровский пятак, двухеврик и десятирублевка.

— Пятак — это уже кое-что. Пятак в той шкатулке имеется! Двухеврик у нас впервые — если только у девочки получилось... Ну-ка, давай сюда десятирублевку.

Он положил монету на предметный столик микроскопа, тщательно изучил аверс и реверс, потом гурт.

— Ничего особенного... — пробормотал он. — Но что же девочка почувствовала. Митенька, без погружения не обойтись. Видишь, она как-то научилась сама себя вводить в транс. Значит, Митенька, организм у нее такой, и где самовнушение, там и внушение. Давай попробуем с пятаком.

— Будем пробовать.

Они вернулись в комнату, откуда наблюдали за Анютой.

Комната была не простая — кроме пяти экранов слежения (холл, операционный зал банка, несколько кабинетов, помещение «Инари» и какие-то еще комнаты сменяли друг друга, то увеличиваясь, то уменьшаясь), там были три стула, маленький столик с пультами и в углу — ограживавшие пятачок в квадратный метр перила. На этом пятачке был откидной люк.

Митенька открыл лаз в подвал и первым туда спустился.

Подвал тоже был не простой — посередке на бетонных цилиндрах высотой сантиметров семьдесят лежала каменная плита с резьбой. Кроме нее, там были стулья — три штуки, полки с книгами (что означало наличие вентиляции, потому что — кто же захочет портить плесенью старинные фолианты), а также — целая конструкция из ярких ламп, подвешенная над плитой, чтобы можно было разглядеть в подробностях каждую щербинку.

Соотнеся размеры плиты с шириной лаза, нетрудно было догадаться — ее сюда поместили еще во время строительства, и, чтобы ее извлечь, потребовалось бы разобрать все здание.

— Вряд ли у нее есть встроенные часы... — пробормотал дядя Боря, имея в виду каменную плиту. — Так что не будем ждать ночи. Хватит, если погасим свет.

Референт поставил на плиту три подсвечника, в каждом — по белой свечке.

— Вот интересно, что будет, если свечек — две или четыре? — спросил он. — Откуда взялось это «три»?

— Это ты узнаешь, Митенька, когда наконец встретишься со своим пра-пра... — сколько там этих «пра»? — дедушкой. И он тебе скажет, в каком трактате вычитал про «три».

— Царствие небесное тем трактатам. Погибли в пятом году, Борис Семенович, вместе с усадьбой. А если уцелели — наверняка лежат в чьей-то коллекции. После того как крестьяне разграбили и подожгли усадьбу, там наводили порядок жандармы. Видимо, трактаты прилипли к чьим-то шаловливым ручкам.

— Да, теперь уж поздно кудахтать и крыльями хлопать. Но главное у нас есть — плита. Осталось понять принцип действия. Ну, приступаем. Эксперимент следующий! Клади пятаки в лунки.

Глава вторая

Мир понемногу обретал четкость.

Сперва мутное пятно из бледно-серого стало желтоватым, потом — круглым, на нем обозначились трещины, после минутного изучения этих трещин оказалось, что это угловатые ветки, и даже с цветами, и даже название вспомнилось — сакура. Память, значит, тоже возвращалась.

Следующий шаг проснувшейся памяти — она определила круг с сакурой как плафон, в котором имеется пока незримая электрическая лампочка. Значит, над головой — потолок. Вряд ли на том свете имеются потолки. Выходит, жизнь продолжается.

Старик пошевелил пальцами — пальцы рук двигались и чувствовали ткань. Насчет пальцев ног он не был уверен.

Он чуть-чуть повернул голову влево. Плафон поехал вправо. Значит, шея у него еще была и действовала. Тогда он приоткрыл рот, отважился почмокать губами. Получилось.

Кончился нудный серый сон, в котором старик мыкался среди стен, медленно взлетая и падая, взлетая и падая. Память подсказала — перед тем как попасть в узкие пространства между стенами, был страх от невозможности дышать. А сколько времени старик провел между жизнью и смертью — даже память не знала.

Он улыбнулся — значит, есть надежда все успеть и рассказать! И ощутил на лице что-то непонятное. Это была приклеенная к щеке и вставленная в нос гибкая трубка, и заволновался. Нужно было позвать на помощь. Сразу не получилось — он смог издать только почти беззвучное

«а-а-а», приправленное шипом и хрипом. Но, видимо, этого звука ждали.

Старик услышал быстрые шаги, потом увидел лицо — женское, немолодое, странной формы. Он не сразу понял, что отсутствие лба — это всего лишь белая низко надвинутая шапочка, которая сливалась с потолком.

— Ле-о... — выговорил он.

— Да, господин Вернер, Лео, — согласилась женщина. — Она обрадуется, когда узнает, что вам полегчало.

— Ле-о...

— Да, да, Лео. Позвонить ей, позвать ее?

— Да...

— Сейчас, сейчас!

Лицо пропало.

— Лео, — еще раз произнес старик. Получилось уже громче и отчетливее.

Память показала лицо — изящное женское лицо, с большими темными глазами, с белозубой улыбкой. Волосы, коротко подстриженные, обрамляли его, падая на лоб вьющейся челкой.

Старик вспомнил — ему никогда не нравились короткие стрижки, но правнучка Лео занималась спортом, просто жить не могла без спорта, и клялась, что длинные волосы будут ей мешать. Он вспомнил еще, что Лео не любила свою работу, что спорт был единственной радостью. Причину нелюбви тоже вспомнил — отец девушки, муж его внучки Инессы, хотел приучить Лео к своему бизнесу, потому что с сыном не повезло — добрые люди снабжали его наркотиками, врачи уже ничего поделать не могли, оставалось ждать естественного конца. Был еще один сын, младше Лео, тот учился в техническом институте и собирался стать авиаконструктором; когда ему предложили заняться семейным бизнесом, он пообещал уехать в Австралию или в Аргентину навсегда и больше в родительский дом не возвращаться. Оставалась Лео...

Вспомнилось ощущение — ему было очень жаль девушку, вынужденную заведовать операционным залом

банка и поддерживать склочный коллектив в рабочем состоянии. А ведь она мечтала о своем бизнесе — связанном с техникой, с дорогими байками, с экипировкой высочайшего класса.

Этой девушке он был многим обязан.

Началось с того, что, когда во внучкином семействе случился грандиозный разлад (измена мужа, проблемы со старшим сыном, финансовая ловушка, которая казалась тогда чуть ли не смертельной), Лео, четырнадцатилетняя, взбунтовалась и ушла жить к прадеду. Тогда прадеду было всего восемьдесят шесть, он жил один, практически сам вел хозяйство, только трижды в неделю приходила женщина, чтобы сделать уборку и заполнить холодильник домашней едой.

Правнучка поселилась в бильярдной и прожила там шесть лет. Потом оказалось, что прадед нуждается в особом уходе — постыдных подробностей этого ухода старик не желал вспоминать. Внучка с мужем и дочка с мужем решили отдать его в пансионат «Светлая осень». Он не хотел выезжать из дома, в котором прошла вся жизнь, его уговаривали, почти уговорили, но однажды ночью Лео, вернувшись с вечеринки, заглянула к нему — и увидела, что он плачет. Да, он стал на старости лет слезлив, он сам понимал, что это дело обычное, но девушка испугалась — она привыкла видеть старика бодрым, занятым научными изысканиями и перепиской, иногда — сердитым, чаще всего — веселым. Правнучка снова взбунтовалась и сказала, что ни в какую «Светлую осень» старика не отдаст, будет с ним до конца, и его денег хватит на двух хороших сиделок. Это была чистая правда — старик умел зарабатывать и обеспечил себе хороший доход, он купил дом и большой земельный участок на окраине очень недорого, но теперь вокруг дома вырос район богатых особняков, землю удалось очень выгодно продать. Старик оплатил правнучке учебу и приобрел все, что требовалось для спорта. Она увлекалась мотоциклами, плаваньем, айкидо — с его точки зрения, все это имело практический смысл. Еще она летом

любила покататься верхом, хотя свою лошадь заводить не стала. Так они прожили еще четыре года.

При этом Лео работала в банке, потому что не желала подводить семью, но прадед знал — она охотно бы заложила под этот банк заряд тротила. Родной отец платил ей столько, сколько платил бы любому другому человеку на этой должности. Но родной отец знал, что прадед заботится о правнучке, так что скромный оклад не имеет для нее большого значения.

Более того — прадед предложил девушке взять его фамилию, и родной отец не возражал.

Старик наловчился работать полулежа, Лео заказала для него особые столики, которые устанавливали на постели, привезла великолепный принтер, очень внимательно следила за сиделками — одну даже выгнала за мелкое воровство. Словом, у них сложился хороший и честный союз. Но оба строго соблюдали границы — Лео не совала нос в изыскания прадеда, прадед не задал ни одного вопроса о ее личной жизни.

— Лео... — позвал старик.

Он понимал, что смерть дала всего лишь отсрочку, и нужно многое успеть.

Он смог нажать кнопку вызова сиделки и потребовал усадить себя в постели; ну, не совсем усадить, подместить под спину и голову побольше подушек, чтобы не лежать пластом. Затем определился со временем. Был вечер пятницы — значит, правнучка уже где-то развлекалась. Сиделка, вызвав Лео, занялась стариком, выполнила все гигиенические процедуры, сделала два укола, он почувствовал себя бодрее.

Завывание крутого байка, несущегося к дому, очень его обрадовало.

Вошла Лео — в самом дорогом байкерском костюме, какой только существовал в природе, подарке прадеда к именинам. На ходу она снимала шлем.

— Наконец-то! — воскликнула девушка. — Фрау Элга, вы можете быть пока свободны.

Сиделка поклонилась ей и вышла.

— Садись, ангелочек, — сказал старик. — Времени у меня мало, а рассказать я должен много.

— Ты еще поскрипишь, — возразила Лео. — Не торопись в рай.

— Ангелочек, я знаю. Так было и с моим отцом, и с дедом. Все прожили довольно долго, все перед смертью вдруг ощущали прилив сил. Наверно, это закон природы. Я сейчас могу говорить, что будет завтра — не знаю. Поэтому — слушай. Ты знаешь, что я изучал историю ордена тамплиеров.

— Да, конечно.

— На самом деле мне требовались лишь несколько тамплиеров, живших в четырнадцатом веке. Я гонялся за ними по всем этим книгам и по всему Интернету.

Книги горничная убрала в застекленный шкаф, и Лео видела лишь корешки.

— Меня интересовали те, кто мог приехать в Икскюльский замок...

— Какой?

— Есть в Лифляндии городок Икскюль. Он вырос вокруг замка, но от замка уже ничего не осталось. Икс... Именно «икс», неизвестная величина. Дай воды, Лео. Я немного отдохну и все расскажу. Это очень важно.

— Хорошо.

Лео сходила за водой, вернулась и выпила старику примерно полстакана.

— Как бы я хотел, чтобы это было полстакана хорошего коньяка, — пошутил старик. — Так вот, ангелочек...

Менее всего девушка, затянутая в черную кожу, была похожа на ангела. Но он так называл правнучку в любых обстоятельствах — и когда она выкрасила половину головы в лиловый цвет, а вторую в синий, и когда остриглась наголо, и когда назло родителям сделала на лбу зверскую татуировку; правда, у нее хватило ума на временную татуировку, но все равно — вампирская рожа держалась чуть ли не полгода. Была ночь, когда Лео примчалась к прадеду

в отчаянии — она не могла решиться на близость с человеком, который совершенно не годился в мужа, но очень ей нравился.

— Ты свободна, ангелочек, запомни — ты свободна, — сказал ей тогда старик. — В любых обстоятельствах ты прежде всего свободна. Все остальное — побрякушки.

После чего он имел шумное объяснение с дочерью и внучкой. Сперва кричали они, потом рывкнул он, а когда по его вызову явился заспанный нотариус, женщины совсем притихли. Но это их не спасло — старик обещал переписать завещание, и он это сделал немедленно. Он тоже всегда был свободен — в том числе и от страха обидеть вопящих немолодых теток.

Лео внимательно смотрела на прадеда.

Она знала, что от старика можно ожидать любых сюрпризов.

— Так вот, ангелочек... Икскюльский замок — очень занятное место. Помнишь, я тебе рассказывал, как мы в тридцать девятом году уезжали из Риги? Помнишь, рассказывал про епископа Альберта, который якобы в тысяча двести первом году основал Ригу? На самом деле только в этом году Рига впервые упоминалась в документах — тогда Альберт начал строить первый Рижский замок. А Икскюль — старше нее. На пятнадцать лет по меньшей мере. Когда начался крестовый поход на северо-восток, немецкие корабли вошли в устье Двины, поднялись вверх, и монах Мейнхард договорился с тамошними ливами, что поставит на берегу церковь и замок. И он там стал первым епископом. Вторым был Бертольд, а третьим только — Альберт, но ему там не понравилось. В самом деле, для порта этот Икскюль не годился, большие морские суда не добрались бы до него через пороги и перекаты, и ливы тоже не дураки — кто же откажется обчистить купеческое судно, севшее на мель? Потом, полвека спустя, Икскюльский замок отдали в аренду рыцарю Иоганну Бердевису. Род Бердевисов владел замком шесть поколений, при них-то и появился Арно де Бетанкур. Все

это ты найдешь в моих файлах, папка так и называется — «Икскюль».

— А зачем мне это? Я же не интересуюсь древней историей, — прямо заявила Лео.

— У тебя, ангелочек, в душе редкое сочетание добродетелей. Ты любишь приключения и любишь деньги. Я так тебя и воспитывал, чтобы ты любила приключения и деньги.

— Да, ты учил: без денег не бывает свободы, — согласилась правнучка. — Ну так чего ты от меня добиваешься?

— Умница, ангелочек. Ты не хочешь, чтобы я тратил на глупости свои последние минутки. Потерпи немного. Ты знаешь, кто такие тамплиеры?

— Это даже я знаю.

Старик улыбнулся:

— Богатейший рыцарский орден, ангелочек, богатейший! Король Филипп Красивый чуть от зависти не помер! Деньги у них росли, как грибы после дождя. Филипп и папа римский обвинили их в богохульстве и почитании демона Бафомета, чтобы прикарманить золото и серебро тамплиеров. Многих арестовали тринадцатого октября тысяча триста седьмого года, но многим удалось скрыться. И они вывезли из Парижа каменную плиту с резьбой. Может быть, таких плит было несколько. Ее доставили в порт, погрузили на судно, а дальше? Нужно было спасать остатки ордена, нужно было все начинать сначала. Они выбрали для этого Ливонию. Видишь ли, у тамплиеров были давние связи с ливонским орденом меченосцев, устав меченосцев скопирован с устава тамплиеров... молчу, молчу!.. Хранителем главного сокровища на кораблях тамплиеров был назначен рыцарь Арно де Бетанкур. Корабли пришли к берегам Эстляндии. Часть сокровищ укрыли в замке Феллин, но тамплиеры отлично знали правила «не клади все яйца в одну корзину».

— Так ты все эти годы искал сокровища тамплиеров? — догадалась Лео.

Она без особого уважения относилась к тем, кто гоняется за древними кладами. И ей было в диковинку слышать, что благоразумный, хотя и чудаковатый прадед, попался на старости лет в ловушку кладоискательства.

— Одно! Одно сокровище, ангелочек! Так вот, у беглых тамплиеров оказалось достаточно денег, чтобы помочь Ливонскому ордену построить замок Мариенбург. Арно де Бетанкур стал его главным комтуром, но он уже не был Бетанкуром — он стал Арнольдом фон Фитингофом. Потом бароны фон Фитингоф решили считать его своим предком. Хотя эта фамилия и до приезда Арно де Бетанкура была в тех краях отлично известна, хотя тамплиер не мог иметь законных сыновей, ну да ладно. Незаконный-то сын, я полагаю, был, но Арно де Бетанкур отдал его на воспитание кому-то, кто наградил мальчика своей фамилией. Думаю, за хорошее вознаграждение.

Лео улыбнулась.

— В Ливонии стали строить замки, и деньги тамплиеров не иссякали, — продолжал прадед. — А каменную плиту с резьбой укрыли в Икскюльском замке. Ее тайну передавали от рыцаря к рыцарю, но мир менялся, рыцарские ордена стали не нужны. Видимо, в каком-то смутном году тайну было некому передать, и она пропала. А плита осталась лежать в подземельях Икскюльского замка. Но мой дед, изучая историю ордена тамплиеров, откопал довольно странные рукописи, где поминалась Икскюльская плита. Он начал ее искать и познакомился с бароном фон Апфельдорном, тоже большим любителем тамплиерских секретов. Сдается мне, что этот барон как раз числил в предках того мальчика... У деда были деньги — ты же знаешь, умение добывать деньги у нашего рода в крови. А барон жил в тех краях. И даже, чтобы изучать развалины Икскюльского замка, приобрел усадьбу неподалеку. Они объединились — один давал деньги, другой организовал раскопки. И они нашли плиту. Более того, они сумели разгадать ее тайну. Но не всю! У них в руках была половина тайны, ангелочек! Они ставили опыты с плитой,

пробовали и так и сяк, что-то получалось, но получалось случайно и необъяснимо. Я читал дневники деда — там все очень подробно описано. Мой отец тоже увлекся этими опытами, он тоже вел дневники. Все это — в нижнем ящике шкафа. Половину я успел оцифровать, ты найдешь сканы в папке «Плита».

— А барон фон Апфельдорн?

— У того своих детей не было, он взял на воспитание племянника, сына двоюродной, что ли, сестры. Мальчик этот, Эрнест, оказался толковый. Дед познакомился с ним и решил о нем позаботиться. Когда барон фон Апфельдорн умер, Эрнест стал главным помощником деда. А потом настал тысяча девятьсот пятый год, бунты, стрельба, крестьяне жгли баронские усадьбы. Дед, мой отец и Эрнест отправились в Икскуль, пытались спасти и вывезти плиту, ничего не получилось, они чудом остались живы. Дед в том же году умер. А отец потом нашел-таки плиту — она попала в запасники рижского исторического музея, хранилась в подземельях Петровской церкви. Во время войны она и оттуда пропала — ведь старый город пострадал и от бомбежек, и от пожаров. Но нашей семьи в Риге уже не было — мы в тридцать девятом году переехали в Данциг... ты ведь слыхала про эту принудительную репатриацию?..

— Слыхала.

— Там умер отец, а матушка — она всегда была очень осторожной, ее интуиция спасла всю семью! — перевезла нас в Швецию, из Швеции мы смогли уехать в Англию. В Англии жилось плохо, но все же лучше, чем в Германии и в Польше, поверь мне! Потом, в пятьдесят третьем, мы вернулись в Германию. Матушка стала искать рижских подруг, писала письма. В шестьдесят пятом появилась возможность съездить в Ригу. Мы поехали втроем — матушка, я и Дора.

Лео поняла — речь о прабабке.

— И мы нашли плиту, но как?! Тогда рижские архитекторы придумали чудной способ сохранить каменные